

Анатомий Мавра

*«Записки одессита»
книга вторая.
Послеоккупационный период.*

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Евгений Маляр

**Записки одессита: часть вторая
– послеоккупационный период**

«ЛитРес: Самиздат»

2008

Маляр Е. А.

Записки одессита: часть вторая – послеоккупационный период /
Е. А. Маляр — «ЛитРес: Самиздат», 2008

В книге описывается множество историй, происходивших в городе Одессе во второй половине сороковых годов, в пятидесятые и отчасти шестидесятые. Отдельные главы посвящены таксопаркам, порту, ликвидации банды «Черной кошки», еврейской артели «Трудпобут», школьному обучению тех времен и бытовым условиям. Не обойдены вниманием одесские фарцовщики, биндюжники, спекулянты и прочие жизненные явления того времени. Описаны районы Одессы: Дерibasовская, Пересыпь, Молдаванка, Бугаёвка, Канава, Слободка. О многих событиях и людях давно ушедших дней теперь можно узнать только из этой книги. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Предисловие соавтора	6
В коммуне обстановка...	7
Общественный транспорт	9
Сильва с Привоза	13
Как партия учила	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Обложка представляет собой авторскую работу дизайнера Александра Варзара (г. Одесса). За основу взята фотография автора из семейного альбома.

Предисловие соавтора

Пятидесятые и шестидесятые годы XX века сегодня воспринимаются в романтических розово-голубых тонах. Она ассоциируются с домами-сталинками, автомобилями «Победа», набриолиненными стилиагами в брюках-дудочках, клумбами-фонтанами и прочими атрибутами «оттепели».

В Одессе, как и во всей огромной стране, называвшейся СССР, это время и в самом деле было своеобразным и очень интересным. Тем, кто хочет в нем по-настоящему разобраться, наверняка придется по вкусу эта книга.

Произведение не претендует на документальность, хотя упомянутые в нем персонажи действительно жили, а описанные события происходили в реальности.

Вторая часть «Записок одессита», вероятно, заинтересует читателей, уже знакомых с первой книгой об оккупации. Стиль тот же, «амаркордный», подразумевающий последовательность небольших новелл, связанных общим сюжетом. Каждый из маленьких рассказов освещает какую-то тему или событие и может рассматриваться как отдельный эпизод.

По сравнению с периодом оккупации времена были уже не столь трагические, хотя и легкими их назвать тоже язык не поворачивается. Впрочем, юмора и одесских хохм во второй книге намного больше, чем в первой.

Итак, начнем. Сразу же речь пойдет об условиях жизни одесситов первого послевоенного десятилетия.

В коммуналке обстановка...

К бедности все давно привыкли. Одесситы завидовали тем, кто проживал большой семьей в маленькой комнатке: такую легко протопить «буржуйкой» – в этом имелся большой плюс. Был и большой минус – в тесноте очень быстро разводились клопы. Они почти хрустели под ногами, нещадной вонью мстя за свою преждевременную гибель, и похоже, жили уже при коммунизме. «Жарили» их при помощи примусов и дуста (ДДТ) – его без проблем можно было украсть на любом предприятии города.

Когда кому-то в коммуналке очень уж досаждали клопы, то вещи выносились «на калидор», а железные сетки кроватей обжигались примусами или паяльными лапами. Комплексно применялся и дуст. Клопы чернели и лопались, разбрызгивая черную кровь, очень вонючую. Запах распространялся по всей коммунальной квартире. Жильцы других комнат тяжело дышали и сердито поглядывали на «борцов за свое счастье». Возможно, им было жалко пострадавших клопов... Соседи, не выдерживавшие запаха, выглядывали из окон на улицу, «хапали воздуха» и блаженно улыбались.

Конечно, не было времен, когда всем поголовно одесситам жилось бы плохо. После войны хорошо устроиться не могли те, кто побывал в оккупации, но зато появились вполне реальные шансы у молодых и энергичных коммунистов.

Младшей дочке Беренштейнов повезло выйти замуж за Фиму Геллера, очень быстро получившего должность директора ресторана «Волна». Фима проживал в нашей парадной на четвертом этаже в той же коммуналке, в которой жил Ленка с мамой Дозей. Ефим Геллер занимал две лучшие комнаты в коммуналке, имел большой кухонный стол на общей кухне. Соседей-завистников он тоже имел...

Когда Фима поднимался к себе домой по мраморной лестнице, подпитые соседи так и норовили его подцепить:

– Фима, а щё твоя свояченица Зина сегодня клювала?

Они знали, что сестра его жены до войны переболела сифилисом – тайны в том не было, а в Одессе и быть не могло. У Зины отсутствовала передняя часть носа. Ефиму не нравились такие разговоры, и он их резко пресекал:

– Вам бы такое тоже поклевать! – выкрикивал он на ходу, и ускорял свои прыжки через ступеньки.

Когда соседи-завистники бывали трезвы, они здоровались с Фимой очень вежливо, даже подобострастно:

– Фимочка, ви сегодня так галантерейно одеты, так и хочется вас с чем-то поздравить!

– Ты мене уже вчера напоздравлял.

– То не я, то водка Вас поздравляла. Если я шото не так ляпнул...

Фима убежал, не ожидая, пока сосед, дышащий вчерашним перегаром, успеет облизнуть его чисто выбритые щеки.

***

Электропроводка, проведенная еще до революции гибким проводом с хлопчатобумажной изоляцией, крепилась на фаянсовых роликах, и ее лучше было не трогать. Обычно в квартире был один счетчик, но в некоторых коммунах, где проживали «состоятельные жильцы», электросчетчиков могло быть несколько. Там все стены были покрыты переплетающимися проводами, а в туалете было столько же лампочек и выключателей, сколько и соседей.

Городское напряжение в 127 вольт было опасным для таких проводок. В квартирах, где был один электросчетчик, производились внезапные проверки комнат соседей для выяснения количества горящих лампочек. После сложных и спорных вычислений определялся процент оплаты каждой семьи за электроэнергию. «Коммунары», не согласные с начисленным процен-

том, громко требовали, чтоб «не пили их кров бандиты с большой дороги», производившие расчет. Это не помогало...

Единственный туалет по утрам никогда не пустовал, по его двери обязательно кто-то нетерпеливо стучал и до поры до времени просто нескромно выражался. Потом начинал пританцовывать, выражаясь уже не всегда цензурно. Назревал скандал, и повод был налицо: «Ты что, там газеты читаешь?!» – извивался в судорогах ожидающий своей очереди. «Не кричи, а то я и вовсе не смогу выйти!» – отвечал тужащийся сосед.

Крысы, мыши и клопы в комнатах веселили одесситов, обладавших фантазией. Жильцы придумывали анекдоты, а иногда запускали дворовых кошек в квартиры.

Общественный транспорт

В конце сороковых добираться в Аркадию из центра города стало намного проще. Одеситам нравилось вспоминать довоенное время, сидя на скалистых склонах и в маленьком парке. Худощавое население заполнило трамваи, хотя большая часть пассажиров сходила у Привоза.

Перевозкой людей занимались и биндюжники на легковых бричках – их клиентами становились представители солидной (сармачной) публики.

На больших грузовых площадках искали нанимателей другие биндюжники, подряжавшиеся доставлять мебель, мешки с продуктами и другие габаритные предметы.

Были еще и безлошадные биндюжники. Они считались одновременно самыми бедными и здоровенными. Эти представители транспортного бизнеса легко катили свои тачки в любую погоду вниз по наклонным улицам Одессы и тяжело толкали их на подъемах.

Когда организовался первый в городе таксопарк на улице Эстонской, наиболее шустрая часть легковых биндюжников, естественно, за определенную мзду, пересела на несколько десятков новеньких «Побед».

Кроме технически новых транспортных средств в работе не изменилось практически ничего. Гордые таксисты собирались позади рыбных корпусов и ожидали «сармачных» клиентов теперь уже не рядом с лошадьми, а возле автомобилей. Водители знали себе цену и всем своим видом показывали, что задешево никого никуда не повезут.

Появились и конкуренты в виде владельцев трофейных BMW, опелей и мерседесов. Они остерегались бывших биндюжников, слывших большими хулиганами, но деловые соображения брали верх над страхом. Лучшего места для парковки в окрестностях Привоза все равно не было.

Таксисты быстро ощутили убыль пассажиропотока и логично связали ее с активностью частников. Кто из тружеников сферы услуг не знает, что насиженная точка – зона жизненно важных интересов? Биндюжники старались, «прибивали» место, а теперь эти нахалюги пользуются плодами без спроса!

Особенно возмущал таксистов своей необыкновенной наглостью один владелец «Опеля», уводивший пассажиров прямо из-под носа. Водители некоторое время просто возмущались, а потом применили к «бомбиле» новейший, специально изобретенный метод конкурентной борьбы.

Шофера «Опеля» подвела предсказуемость. Он часто оставлял свою машину рядом с официальными таксомоторами и, заработав денег, шел «делать базар». В тот день он тоже шел от мясного корпуса Привоза в хорошем настроении, купив по выгодной цене симпатичного петушка, овощей и фруктов. По пути конкурент успел прихватить клиента приличного вида – тот солидно шел рядом с ним в костюме и шляпе. Водитель «Опеля» не спеша уложил покупки в багажник, услужливо открыл дверь и усадил пассажира на переднее сиденье.

Машина уехала. Таксисты, наблюдая за этой сценой, тихо ухмылялись, сдержанно ликуя.

Частник вскоре после начала поездки почувствовал неприятный запах. «Надо же, с виду такой приличный человек, а пускает газы – будь здоров!» Так подумал водитель, мыслей же пассажира он прочитать не мог. С высокой степенью вероятности, однако, можно предположить, что их содержание было тем же, но направленным в противоположную сторону, почти как в третьем законе Ньютона.

Так они и ехали, недовольные друг другом, до 16-й станции Большого Фонтана. Клиент вышел из машины, швырнул оговоренную сумму, хлопнул дверью и сказал, что с такой скотиной никогда больше ездить не будет.

После того, как пассажир покинул салон, запаха меньше не стало. Озадаченный шофер, борясь с амбре, открыл все окна и помчался назад в город. Морской ветерок пронзал машину, и вроде бы стало легче дышаться. На 13-й станции голосовал молодой человек. Частник подобрал его и тут же почувствовал носом, что проблема вернулась. Парень заерзал на сиденье, но водитель уже смутно догадывался, что дело не в нем. Высадив недовольного пассажира, шофер внимательно обследовал всю машину, но ничего не обнаружил. В каком-то дворе нашел водопроводный кран, обмыл кожаную обивку и пол. Настроение вроде опять поправлялось, а тут подвернулась молодая пара. Юноша с девушкой в два голоса стали возмущаться: «Что дед, дома пробздеться не мог?»

Кончилась история полной капитуляцией конкурента. Он приехал к таксистам и покался: «Виноват, ребята, принимаю все ваши условия». Без второго слова частник выставил банкет.

После соблюдения всех дипломатических формальностей водители «Побед» открыли тайну своего секретного оружия. Они подняли резиновый коврик, под которым с пассажирской стороны была вложена пачка из-под «Казбека» – из нее расползлось во все стороны уже несвежее дерьмо. Посрамленный частник стал намного скромнее. Хотя он по-прежнему иногда отбивал клиентов у таксистов, но уже не так нахально, и каждый раз «дико извинялся».

Первые годы для бывших биндюжников, ставших таксистами, были самыми урожайными. Плановое задание установили небольшое, поборы оказались умеренными, а заработки зашкаливали. Устроиться на работу в эту контору можно было только по большому благу. О существовании такого устройства, как таксометр, в послевоенном СССР даже не догадывались.

Зарплата водителя примерно равнялась его дневному заработку и за ней в кассу никто не спешил. Старые водители со смехом вспоминали, как их отлавливал главбух, и просил хотя бы расписаться, если уж деньги они получать не хотят – ему же отчитываться надо. У него же всегда можно было мгновенно получить ссуду, если кому-то срочно требовалось оплатить выпивку, техосмотр или купить какие-то запчасти – без процентов и под честное слово. Доверие – главное в коллективе.

Методы обслуживания клиентов и взаимоотношения остались теми, к которым привыкли биндюжники. Сохранилось деление на касты. «Шмаровозники» специализировались на доставке «девочек» с их «друзьями» в места эротического уединения.

Другие водители имели длительные деловые отношения с карточными шулерами, раздевающими «жирных каплунов» на природе и в городских катранах – с ними рассчитывались очень щедро за проезд в оба конца, проявляемую невнимательность и полное отсутствие памяти.

Третьи находили пассажиров на вокзале и привлекали их веселыми криками о «синиторях», в которых «нема отдыху». В общем, каждый крутился, как мог, а в центральной части продолжали работать конные брички – там «Победу» с шашечками на дверях увидеть можно было редко.

Финансовая дисциплина таксистов, возможно, была самой высокой. Они всегда очень четко выполняли план по вырубке и знали, насколько его следует перевыполнять, чтобы намного не повысили.

Администрация ютилась в малопригодных помещениях на Эстонской.

О том, кому, когда и самое главное, как выступать на партсобрании, работники таксопарка тоже имели представление. Бригадир никогда не критиковали директора, а о линии партии и речи идти не могло – она всегда одобрялась единогласно. Следует отдать должное и уровню воспитательной работы: водителей даже и сравнивать нельзя было с биндюжниками по культуре речи и обслуживания населения. Они никогда не ругались матом, порой удивляли пассажиров своей начитанностью и умением разбираться в музыке – и это несмотря на отсут-

стве чаще всего даже начального образования. Очевидно, они просвещались самостоятельно в свободное от работы время, как Лазарь Каганович.

Одесские таксисты дружно рвали на груди рубахи, тем самым доказывая свою преданность партии и лично товарищу Сталину.

Партсобрания проходили согласно общепринятому в Одессе (а возможно, что и в других городах) ритуалу. Одно из них запомнилось старому таксисту, рассказавшему мне в конце шестидесятых годов и вышеприведенную поучительную историю о бомбиле на опеле.

Современному читателю поможет разобраться в хитросплетениях интриг, характерных для обстановки в коллективах того времени, краткое описание самой партийной организации.

Недавние биндюжники, в срочном порядке вступившие в КПСС и получившие вместо привычных коней «Победы», несколько возгордились. Новенькие автомобили они полюбили так же, как ранее своих лошадей.

Собрания для многих становились первой ступенью карьерной лестницы. Директор таксопарка пользовался авторитетом столь же непререкаемым, как для бластных пахан. Когда большой начальник открывал собрание, все затихали. Директор для начала поощрял толпу хвалебными речами о производственных успехах, плавно переходя к самокритике, а затем и критике.

Помещения тогдашнего таксопарка роскошными назвать было нельзя: секретарь с президиумом гнездились за дощатым столом на жестких сиденьях, уступавших по удобству даже скамейкам ломовых извозчиков. Это не имело значения – простота быта только украшала светлый облик коммунистов.

Директору почтительно предоставлял слово секретарь парторганизации, и «хозяин» с достоинством нес свое тело к импровизированной трибуне. Прокашлявшись и выпив глоток боржомом, он суровым взором окидывал собравшийся коллектив.

– Уважаемые товарищи! В то время, когда гидра мировой контрреволюции старается запугать наше родное правительство атомной бомбой...

Изредка раздавался храп отработавших ночную смену водителей. Секретарь в этих случаях громко бил связкой ключей по графину, наполненному водопроводной водой.

– Товарищи коммунисты – других здесь не вижу! Дадим отпор империалистам своим ударным трудом! Благодаря нашей партии и товарищу Сталину мы с вами отработали трудный месяц на благо всего советского народа. Наши водители вновь выполнили и перевыполнили задание по выручке. Наши коммунисты показали пример беспартийным биндюжникам, теперь уже тоже членам нашего дружного коллектива. Принятые на работу новые водители реже ругаются матом в присутствии клиентов.

Директор вновь наливает себе боржомом и громко с клекотом пьет.

– Однако следует обратить внимание и на некоторые недостатки в нашей работе. Вследствие превышения скорости движения по городу коммунистами нашего предприятия было допущено двенадцать столкновений с безлошадными биндюжниками, одного из которых удалось спасти на месте. Остальных спасала скорая помощь. Кроме того, наши водители повредили шесть подвод и убили одну лошадь. Хорошо, что возле зоопарка – сразу же сдали животное на мясо львам и тиграм.

Шальные деньги стали застилать глаза нашим водителям и даже коммунистам! Еще раз напоминаю: деньги не должны застилать глаза в нашем лице! Они должны приносить пользу нашей стране и товарищу Сталину. У некоторых вместо глаз рубли, честное слово...

Хозяин вылил остатки боржомом и с шумом выпил, после чего пошел к своему месту рядом с партийным секретарем, услужливо отодвинувшим «стуло».

В таксомоторном парке, как и на многих других предприятиях Одессы, самым активным коммунистом был Рабинович. Никого ни о чем не спрашивая, Ицк подбежал к трибуне.

– Спасибо нашему директору, нашей партии и товарищу Сталину! – бодро начал он. Минеральной воды больше не осталось, поэтому пришлось обходиться без солидных пауз.

– Я с чувством глубокого удовлетворения прослушал краткий, но очень мудрый и даже поучительный доклад нашего уважаемого руководителя. Деньги – это то зло, о котором коммунистам написали Маркс, Ленин и Сталин, и это зло мешает нам двигаться к светлому будущему без денег... И что же мы будем приносить домой? И на что мы будем жить? Что вы на это скажете?

И Ицыка непроизвольно закатились глаза: он запоздало понял то, что уже прокричала его глотка. У секретаря партбюро задвигались уши.

– И что же вам непонятно, коммунист Рабинович? Или вам захотелось с левым уклоном прокатиться на Колыму?

– Ойц, извините, это я неточно выразился. Это я в смысле, что можно и бесплатно поработать на благо народа. Я даже могу поддержать новый почин...

Раздался ропот водителей. Ицык совсем запутался, смутился и пошел к своему месту, вжав голову в плечи.

– Слово предоставляется коммунисту бригадиру Задорожному.

– Товарищи! Я думаю, что выражу общее мнение, если скажу, что мы все поддерживаем нашего директора. Деньги – это зло, особенно когда их нема. А когда они есть, так они и не мешают нам двигаться...

– Ты, мишигины копф! А чей водитель покалечил насмерть лошадь? Смотри за своими головорезами. Сколько жалоб они принесли нашему любимому директору! И в партбюро тоже! Почитай, как твои махновцы называют уважаемых молодых морячек проститутками и выбрасывают их из машины почти на полном ходу!

– Марек, ты зачем мене заводишь? – почти ласково спросил в ответ Лёва Задорожный – Ты забыл, что я – инвалид война? Прибью тебе прямо сейчас, и мене ничего не будет!

– Если ты такой псих, то тогда кто продавал тебе права? Возвращайся к своим биндюжникам! Я твою тачку буду сбивать и скажу, что так и было, и я нечаянно. Я напишу на тебя!

– Пиши в центральную прачечную, поц!

Лёва демонстративно плюет в сторону Марека.

– А ты сильно умный? На Слободке в дурдоме таких как ты полно, и они политику партии знают лучше тебя! – встав в позу Ленина, торжественно закончил Марек.

До драки не дошло. Вмешался партийный секретарь, невольно играя роль раввина.

– Лёва и Марек! Прекратите позорить парторганизацию, а то я не знаю... Еще услышат беспартийные и подумают, что рыба гниет с головы.

Директор при этих словах поморщился, как будто что-то не то съел, и вынес свое веское суждение.

– Не нравится мне этот спор. И причем здесь деньги?

Секретарь посчитал тему исчерпанной, и закрыл собрание, напоследок загадочно промолвив «это вам не лавочка какая-нибудь».

Тем временем работала обычная схема. Лёва с Марекем быстро помирились и уже дружно догоняли других водителей, беспартийных и кандидатов в члены, шедших в закусокную, что на Старопортофранковской, возле ворот дома № 101.

Под чистыми столами сверкнули запечатанные сургучом бутылки с водкой, припасенные заранее членами и кандидатами. После появления закуски бутылки заняли свое положенное место. Всё было, как всегда.

Сильва с Привоза

Алкаши в районе наиболее известного одесского рынка давали непрерывные концерты вживую, не тратя времени на репетиции. Многих из них не пускали в «приличные забега-ловки», и на то были причины... В городе поговаривали, будто вообще все артисты ведут себя приблизительно подобным образом.

Наиболее многочисленную труппу возглавляла некая Сильва. Трезвой ее никто никогда не видел, как и других подобранных ею артистов. Толпа хором, задушевно и громко, исполняла блатные песни, составлявшие основу репертуара творческого коллектива. Время от времени солистки, как фокусники в цирке, доставали из грязных торб столь же грязные бутылки с мутным пойлом. После «легкого завтрака» кордебалет начинал пританцовывать, подвывая и подражая цыганскому хору, вокруг «примы».

Иногда Сильва входила в экстаз, ее охватывала дрожь, и она брала немислимые ноты. В такие мгновенья она не могла сдвинуться с места. В том же положении, в котором ее настиг пик вдохновенья, певица из народа поливала тротуар.

Много лет эту труппу милиция не трогала и пальцем, видимо, брезгуя.

Как партия учила

В нашем классе, как и в остальных, училось более половины детей, переживших оккупацию. Нам было забавно наблюдать за старшеклассниками, разбиравшими и собиравшими настоящие винтовки, надевавшими противогазы и бросавшими учебные гранаты на школьном дворе.

Военрук с поврежденной на фронте ногой занимался с ними строевой подготовкой, лихо делая повороты кругом и вытягивая носок раненой ноги далеко вперед. С палкой в правой руке он не расставался. Старшеклассники говорили, что военрук – псих и возможно, за это его уважали.

Бедная, плохо одетая учительница рассказывала нам на уроках, как хорошо будет жить при коммунизме: все будут трудиться, сколько хотят и кем захотят... при возможности.

Мамы учеников работали в основном уборщицами и дворничихами. Они не могли скрыть от детей инструментария, посредством которого извлекали из дворовых канализаций и туалетов тряпки и другие предметы, густо смазанные отходами жизнедеятельности. Дети искренне хотели, чтобы их мамы хоть когда-нибудь поработали на других должностях, но никуда больше их тогда не принимали. Кто-то спросил: «А кто захочет быть дворником?»

– Все работы будут механизированы, а убирать отходы многим будет приятно!

Такое определение, как «отходы» мы услышали впервые: все ходили на развалки «до ветру» и называли такую жизнедеятельность гораздо более простыми словами.

Еще учительница рассказывала про пионеров-героев, а у нас не было врагов, которым хотелось бы навредить. Ущерб мы наносили вынужденно только крестьянам на Привозе и рабочим в подвалах. И советскую власть любили – ее нельзя было не любить.

Другие пионеры были убеждены, что выявлять врагов народа очень просто. В кинофильмах они поголовно носили фетровые шляпы и портфели, в крайнем случае, притворялись слепыми и инвалидами. Возможно, что и чекисты пользовались этими же критериями.

В общем, мы росли, «как Ленин нас учил, как партия учила», не зная о правых и левых уклонистах, центристах и прочих нехороших разносторонних ответвлениях от единственно верной генеральной линии.

Привычно посещали Привоз-кормилец, разживаясь какой-то едой. Даже в мыслях у нас не было, что мы ворует у крестьян их нехитрые продукты – макуху и яблоки. Мы просто брали свое у тех, кто зазевался, а потом бежали к зоопарку и проникали в него без проблем.

В обезьяннике нас радостно встречали друзья-мартышки. Они сверкали своими красными задницами, а мимикой намекали, чтобы и им что-то выделили. Приматы, как и мы всегда были рады любой еде.

В один из удачных дней мы с Ленкой прыгнули с забора, владея большим кругом макухи, прямо на недавно вырытые ямы. Рядом валялись человеческие черепа и кости. Из земли работяги выбрасывали выбеленные временем останки давних покойников.

Радостное ожидание дележки макухи омрачилось. Человеческие кости испортили настроение и аппетит. От рабочих мы узнали, что под территорией сквера им. Ильича находится Первое Христианское кладбище. Клетки с животными расширяющегося зоопарка оказались над могилами первых одесситов, строивших и благоустроивавших город. Теперь укоризненные улыбки предков, которыми следовало гордиться, приветствовали нас в последний раз. Куда дели их кости, мы потом так и не узнали.

Правее зоопарка в сквере работали детские качели-карусели...

Добравшись к обезьянам, мы вскоре забыли о разрытых могилах возле нового забора зоопарка, и развеселились, угощая их вкусной макухой, а заодно набивая собственные рты.

Никто из нас, тогдашних подростков, не задумывался о тяжелой доле матерей того времени. За мизерную зарплату уборщиц им приходилось выслушивать упреки в духе «вам при румынах было хорошо». Измученные женщины обиды сносили молча. Дети не понимали, чем виноваты их мамы, и принимали такое отношение к ним как должное.

В наших головах блуждал веселый хаос. В школе нас учили одному, на улицах другому, а в семьях мы видели третье. Так формировалось особое одесское мировоззрение.

Между собой мы иногда обсуждали важные политические проблемы.

– Неужели великий вождь ходит в туалет, как и мы? – недоумевал мой сосед по парте Вовка Балан.

– Скажи еще, что он ходит срать на развалку! – риторически парировал, закатывая глаза Вовка Будниченко, сидевший сзади – Сталину делают специальные клизмы!

Так и осталось неясным, откуда Буда узнал эту государственную тайну. Позже, во время «хрущевской оттепели», стало известно, что лучшие кремлевские врачи почитали за честь помогать тужиться «отцу народов».

Учительница украинского языка Лидия Наумовна, приехавшая в Одессу со Львовщины, часто в запале говорила: «яблоко вид яблони...», намекая, очевидно, на какую-то нашу генетическую порочность. Она не знала наших погибших отцов, но видела мам, замученных жизнью и неприглядных.

Лидия Наумовна владела и русским, и украинским языками. Она любила цитировать Сталина и декламировать:

Нам свое робыты –
Будэм, будэм быты!

Пионеры время от времени специально приносили поломанные стулья и искренне радовались, когда ноги учительницы взлетали вверх, а сама она билась об пол. Вскокивала она быстро и тут же называла нас бандеровцами. Мы думали, что по-украински это – бандиты.

По-русски ученики говорили так же, как крестьяне, привозившие товар на Привоз и многие одесситы. Для общения этого хватало.

Лидия Наумовна проработала у нас недолго. Очевидно, муж-чекист решил побереечь ее нервы и устроил жену на какое-то лучшее место.

Произношение одесситов послевоенной поры было быстрым и невнятным. Падежи, наклонения и прочие лингвистические тонкости не имели никакого значения – главным признаком ораторского таланта считалась способность понятно донести до слушателя свою мысль. Недостаток аргументов и красноречия чаще всего компенсировался громкостью: иногда брали «на горло» или «на бенемунес» (это когда кто-то кричал: «не, это я тебе таки клянусь!»)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.